

Плюрализм и рационализм

Признание возможности множества различных и равноценных точек зрения на одну и ту же проблему выглядит в глазах многих как неотъемлемая черта демократически ориентированного мышления. В свою очередь, фундаментальным основанием последнего является понимание человека как автономного субъекта, наделенного разумом и способного к ответственному действию. Таким образом, принцип плюрализма является необходимым следствием рационализма как способа миропонимания, опирающегося на разум — в противоположность иррационализму.

Между тем по мере того, как вышеназванный принцип из простой декларации превращается в руководство к действию, все более отчетливо обозначается его внутренняя противоречивость. Признание множественности (научных и философских парадигм, культур, политических режимов, наконец, «образов жизни») неизбежно ведет к самоотрицанию, отвергая наличие каких бы то ни было абсолютных положений, включая положение о человеке как автономном и ответственном субъекте.

Парадокс самообоснования разума, существовавший до недавнего времени главным образом в качестве сугубо академической философской проблемы, «вдруг» обнаружился в сердцевине самых насущных вопросов человеческой жизни. Пожалуй, наиболее ярко парадоксальный характер плюралистического мышления выступает в политической сфере. Один из основных вопросов, волнующих сейчас «демократическую общественность» всего цивилизованного мира — как совместить свободу и безопасность? Этот вопрос, в свою очередь, подразумевает другой: распространяется ли принцип плюрализма и на такие идеологии, которые отрицают какой бы то ни было плюрализм и утверждают свой непреложный и абсолютный характер? Как заставить соблюдать права других человека, убежденного в своем исключительном праве на Истину? Ответ напрашивается сам собой: силой. Но в таком случае мы отказываем другому в том самом праве, которое признаем за собой, отрицая тем самым основание своих собственных убеждений и действий.

Все эти и многие другие вопросы в конечном счете могут быть сведены к одному — фундаментальному: совместимы ли плюрализм и рационализм? Разумеется, возможность внятного ответа на этот вопрос может показаться весьма проблематичной прежде всего в силу великого множества толкований самого понятия рационализма. Рамки данной работы не дают возможности для подробного анализа вопроса о критериях рациональности. Однако представляется, что для разговора на заявленную тему четкого определения этих критериев и не требуется.

Здесь уместно разграничить понятия рационализма и рациональности. Если последняя зачастую трактуется сейчас предельно широко — как тот или иной способ организации опыта*, то рационализм, несмотря на признание многообразия его типов, все же обладает неким общим — сугубо формальным — признаком. Этот признак — осознанная апелляция к разуму как к конечной инстанции. Если рациональность (как «логичность в себе») может быть присуща любому способу понимания мира, в том числе религии и мифу, то рационалистом можно назвать только того, кто любое полученное извне (из «опыта», от других людей) знание выносит на суд разума.

Опять же не задаваясь безнадежным вопросом о том, какое содержание надлежит вкладывать в само слово «разум», отметим только единственно важный в свете нашей проблемы момент: подвергая что-либо суду разума, я не соотношу его с каким-то внешним для моей мысли критерием или образцом, но обосновываю это «что-либо» посредством самой мысли. Последняя в рамках этой процедуры, по сути дела, апеллирует к самой себе и обосновывает сама себя (ведь упомянутое «что-либо» здесь не может быть ничем иным, как содержанием моей же мысли). Именно способность к саморефлексии с целью самообоснования и является тем решающим моментом, который позволяет четко разграничить *рационализм* и *иррационализм*. Даже осознание всей парадоксальности этого требования — обосновать самого себя — не освобождает рационалиста от стремления к такому обоснованию, которое и составляет цель и суть апелляции к разуму. Напротив, иррационализм, не признавая разум в качестве высшей инстанции, вынужден все же пользоваться «разумными» средствами, в частности, тем или иным «типом рациональности». Таким образом, иррационализм, как способ миропонимания, противоположный рационализму, никогда не может быть обоснован «в самом себе», сочетая рациональные средства и нерациональные основания и критерии.

* Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века. ВФ. 1991, №6. С. 6, 9.

Иррационализм двойствен по определению. Резюмируя вышесказанное, принципиальное различие между рационализмом и иррационализмом можно сформулировать следующим образом: рационалист — тот, кто всегда задается вопросом о своих основаниях, в то время как иррационалист всегда располагает готовым — и уже в силу этого нерациональным — основанием своего знания.

Данное разграничение является значимым для нас именно постольку, поскольку проливает свет на основания двух вышеупомянутых способов понимания мира. Самообоснование как основная цель и способ мышления рационалиста всегда предполагает наличие некоего дополнительного — по отношению к содержанию самой мысли — действия: *действия удостоверения того, что это содержание разумно*. Само действие при этом осуществляется за рамками «поля зрения» мыслящего, оставаясь принципиально недоступным для осознания и представления. Однако именно этот, по сути дела, непознаваемый, момент мышления и становится основой всех дальнейших строго рациональных построений. Любая попытка избавиться от этой принципиальной непознаваемости, добиться полного описания «пространства», в котором «находится» мыслящий, приводит лишь к саморазрушению рациональности. Мысль, вместо того, чтобы служить пониманию реальности, начинает эту реальность подменять. М.К.Мамардашвили называет такого рода подмену «незаконным удвоением мира»: «Займствуя предметные термины изнутри самого же мира, мы лишь удваиваем их начала и основания и бесконечно умножаем эффект “третьего глаза” в нашей картине понимания, где мы каким-то объективным обстоянием дела (каким-то образом нам известным) пытаемся задать его отражения в головах людей, хотя знаем о нем именно из того, что последние нам сообщали, и сами находимся в непрерывной цепи сообщения, не имея возможности выскочить из нее и посмотреть на мир некоторым независимым от этой цепи образом»*.

Осуществляя действие «удостоверения» или рефлексии, разум как раз и осознает невозможность «выскочить из непрерывной цепи сообщения», одновременно достигая при этом своих собственных границ. Иными словами, констатация «это разумно» не позволяет человеку, апеллирующему к разуму, задаваться вопросом «почему это разумно?». Разум, обосновывающий любое мысленное содержание, не может быть ни обоснован, ни определен содержательным образом. Это означает,

* Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси. 1984. С.25

что рационализм как способ мышления, сознательно опирающегося на разум, имеет своим основанием не *внешнюю принудительность* (в том числе и принудительность знания), но *свободное решение*. Апелляция к разуму возможна только при условии существования абсолютно свободного субъекта, т. е. такого субъекта, который принципиально недоступен исчерпывающему познанию. Действительно последовательный рационализм всегда имеет внерациональный (недоступный объективирующему познанию) источник.

Напротив, вышеупомянутая двойственность иррационализма как способа понимания мира связана с необходимостью внешней опоры для разума, отрицающего свою автономию. Но такой опорой в сфере мысли (повторим, речь идет об определенной системе теоретического мышления) может быть только *знание*, недоступное для дальнейшей рефлексии, берущееся в готовом, «удостоверенном» виде, как раз и навсегда данное. При это совершенно несущественно, о какой форме иррационализма идет речь. Как религиозный фундаментализм, насчитывающий не одно тысячелетие, так и философские концепции, возникшие в прошлом и позапрошлом столетии, в одинаковой степени вынуждены опираться на определенную систему некритически принимаемых положений, оказываясь тем самым в зависимости от *определенного знания*. Иррационализм, таким образом, в принципе не может быть открытой системой, будучи обоснованным раз и навсегда данным знанием и приобретая при этом замкнутый и ограниченный характер. Таким образом, обратившись к основаниям рационализма и иррационализма, мы получаем странный «перевертыш»: в то время как первый всегда опирается на *неизвестное* — принципиально недоступное разуму, второй просто не может не опираться на *известное* (или некритически считающееся таковым).

Теперь, задавшись вопросом о том, какое же из этих оснований допускает возможность подлинного, а не ограниченного определенными рамками плюрализма, мы не можем не ответить на него совершенно определенным образом: разумеется, *неизвестное* как «основание» рационализма. Более того: последний, не опираясь на содержательно определенное знание, делает плюрализм не только возможным, но и необходимым для своей собственной реализации. Поскольку действие «удостоверения разумности» по необходимости имеет чисто формальный характер (ведь содержание знания — именно то, что требуется удостоверить), постольку знание как «продукт» такого разумного действия всякий раз может формулироваться

по-разному. И наоборот: лишенное санкции разума (которая, повторим, должна даваться *всякий раз*, когда мы утверждаем что-либо), знание теряет рациональный характер, ничуть не меняя своего содержания.

Таким образом, подлинный (т. е. последовательный) рационализм допускает множественность не потому, что вынужден мириться с неизбежностью, но в силу того, что делает акцент вовсе не на содержании знания. Плюрализм содержания дополняется (и компенсируется) здесь единством формы — любое знание, как бы оно ни формулировалось, должно быть разумным, т. е. ...иметь внерациональное «основание». Такой плюрализм не разъединяет, но объединяет, однако его объединяющий смысл доступен далеко не всем. Привычка видеть в качестве объединяющего начала какое-либо конкретное, определенным образом сформулированное положение, препятствует возможности понимания этого странного единства. Так, современный протестантский теолог Джон Э. Вэйз мл. недоумевает по поводу отрицания понятия объективной истины: «Очень странно, что столь специфическая и уязвимая теория обладает таким влиянием. Ведь люди, заявляющие, что “истины нет”, все же претендуют на истинность своих утверждений. Такое рассуждение противоречиво по самой своей сути. Постмодернисты признают этот парадокс. Стивен Коннор отмечает как глубокую иронию, что существует согласие в том, что согласия не существует, что мы имеем авторитетные заявления об отсутствии всяких авторитетов и что ученые пишут обобщающие трактаты об отсутствии чего-либо обобщающего»*

Между тем такое согласие по поводу отсутствия согласия становится вполне объяснимым — и даже единственно возможным — при условии принятия того, что в основании любого знания находится «незнаемое». В этом случае знание теряет свой всеобщий характер и требует постоянного воспроизведения, условием которого является ... полный отказ от предварительного, «готового» знания. Утверждая невозможность согласия в сфере содержательно определенного знания, мы тем самым лишь выполняем условия, необходимые для рождения знания как такового. Таким образом, отказ от понятия единой, всеобщей и необходимой истины носит здесь, если можно так выразиться, не «репрезентативный», но «операциональный» характер. Этот отказ — не что иное, как момент движения саморефлексии, в процессе которого и рождается рациональный субъект. Говоря : «истины не существует», я тем самым открываю возможность ее (истины) рождения.

* Джон Эдвард Вэйз мл. Времена постмодерна. Фонд «Лютеранское наследие». 2002. С. 58.

Все вышесказанное означает, что плюрализм и рационализм не только совместимы, но и взаимно предполагают друг друга. Однако *полагаются* и тот, и другой абсолютно свободным решением автономного субъекта, не заданного никакими предварительными условиями. Как это ни парадоксально, рационализм предельно эзотеричен, поскольку предполагает не посвященность в какие-то конкретные истины, но обращение к условиям рождения Истины как таковой. Отказ от саморефлексии (а по сути, от самоотрицания) делает смысл рационализма абсолютно непроницаемым и порождает множество недоразумений. Требование свободы воспринимается как принципиальное отрицание истины, а радикальное сомнение расценивается как начало полного разрушения знания и языка. Однако за подобными опасениями скрывается упорное нежелание признать парадоксальную природу разума. Плюрализм и свобода вовсе не являются, как утверждают некоторые авторы, чем-то противоположным «владычеству разума»*, — напротив, требование того и другого является абсолютно закономерным результатом того пути к самому себе, который был пройден рациональным субъектом за последние несколько столетий. Нежелание пройти этот путь до конца оборачивается сугубо иррациональным стремлением втиснуть разум в тесные рамки той или иной «рациональности».

Подобное понимание рационализма, не просто допускающее, но и требующее множественности исходных постулатов, предполагает принятие ряда положений.

1. Никакое положительное знание о мире не может выступать в качестве фундамента и «гаранта» рационализма, не может представлять Всеобщий Разум.

2. Таким «гарантом» может быть только субъект, лишенный каких-либо заранее заданных характеристик, т. е. определяемый сугубо отрицательно. Свойства такого субъекта возникают только как проявление и результат его способности быть субъектом, т. е. *в действии*, которое должно постоянно воспроизводиться. Одновременно с субъектом воспроизводится (производится?) и вся совокупность знаний о мире.

3. В силу этого знание больше не может восприниматься как некий отчужденный «продукт для всеобщего пользования», но должно осмысляться только в контексте действия конкретного субъекта, воспроизводящего свой мир «здесь и сейчас». Отсюда вытекает

* Порус В.Н. Цена «гибкой рациональности». О философии науки С.Тулмина. ВФ. 1999. №2, С. 91.

возможность различного осмысления идентичных (в содержательном смысле) положений.

4. Наконец, невозможность полной объективации знания и разума свидетельствует о невозможности положить принцип плюрализма в основание каких-либо структур (научно-теоретических, социальных, религиозных или любых других), которые остаются внешними для субъекта. Любая данность («объективная реальность») неизбежно ограничена и — в силу этого — бессмысленна. Борьба за Порядок и Смысл против хаоса и бессмыслицы ведется отнюдь не «в мире», но внутри самого человека. Именно поэтому стремление воплотить «идеалы» свободы и плюрализма в реальности, в том числе и социальной — иллюзорно. Плюрализм относится к тем принципам, которые никогда не могут быть приняты *всеми*, но только — *каждым в отдельности*.